

Прогнозирование в законотворческой деятельности

Аннотация: При изучении эффективности уголовного наказания существует потребность в научном предвидении сравнительно отдаленных последствий его действия. Однако, в настоящее время, фактически имеющийся результат действия уголовного наказания всегда представляется явно незавершенным. В этом случае, прогнозирование будущих результатов действий разрабатываемой санкции оказывается необходимым компонентом изучения эффективности уголовного закона.

При построении уголовно-правовой санкции законодателю необходимо ориентироваться на расширение границ лишения свободы с целью увеличения судебного усмотрения.

Представляется целесообразным предусмотреть общее смягчение мер наказания за счет снижения максимальных сроков лишения свободы за все неосторожные преступления, а также в отношении лиц, впервые совершивших умышленные преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Предлагается с учетом практики деятельности учреждений по исполнению наказаний увеличить сроки лишения свободы за особо тяжкие преступления и для особо опасных рецидивистов; даны другие предложения.

Ключевые слова: прогнозирование; законотворчество; уголовно-правовая санкция; эффективность наказания; преступление; соизмерение; правосознание.

Законодатель при построении уголовно-правовой санкции дает не только конкретную оценку степени общественной опасности преступления, но и

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mori_sid@yahoo.com

исходит из того, какое необходимо оказать устрашительно-предупредительное воздействие на население. А это значит, что уголовно-правовая санкция обращена в будущее.

В последнем моменте и заключается прогностический аспект построения законодателем уголовно-правовой санкции. Вероятностные элементы попадают в определение мер наказания еще тогда, когда законодатель, формируя санкции норм уголовного права, стремится достичь наказанием непосредственно практических целей. Ю. В. Кудрявцев отмечает, что «весьма отчетливо прогностическая информация воплощена в санкциях уголовно-правовых норм» [7, с. 81].

При изучении эффективности уголовного наказания существует потребность в научном предвидении сравнительно отдаленных последствий его действия. Однако, в настоящее время, фактически имеющийся результат действия уголовного наказания всегда представляется явно незавершенным. Если это так, то прогнозирование будущих результатов действий разрабатываемой санкции оказывается необходимым компонентом изучения эффективности уголовного закона.

Проблема прогнозирования при построении уголовно-правовой санкции приобретает особо важное значение, поскольку цена последствий от практического внедрения эффективной либо имеющей значительные негативные последствия санкции велика. В самом деле, можно ли сконструировать эффективную уголовно-правовую санкцию, если законодатель не знает, какое общепредупредительное воздействие она окажет после применения? Ответ должен быть однозначным: нет. Поэтому еще до применения, т. е. при построении конкретной уголовно-правовой санкции необходимо располагать соответствующей информацией относительно будущих результатов этой санкции, в частности в плане достижения цели общего предупреждения. Иначе говоря, законодатель должен знать сдерживающую силу уголовно-правовой санкции до ее принятия.

В. А. Трапезников отмечает: «Издавая закон, устанавливая то или иное правило поведения, нужно предугадать, как человек будет на него реагировать... Полагать, что каждый будет пунктуально соблюдать каждое новое правило, забывая о способности человека адаптироваться, было бы наивно. А раз так, то при выработке нового правила или закона нужно давать ему формулировки, учитывающие адаптационные свойства человека» [12]. Поэтому в процессе построения уголовно-правовой санкции необходимо предвидеть и ее социальную эффективность - те изменения в социальной реальности и общественных отношениях, которые могут наступить и в действительности наступят, когда данная санкция начнет действовать. Представляется, что прогнозирование эффективности действия уголовно-правовой санкции уже при ее построении позволит в определенной степени избежать тех неприятностей, которые имеют место при применении уголовного наказания. Но возможно ли такое прогнозирование?

Субъективный сознательный характер процесса подготовки и принятия уголовно-правовых санкций не исключает необходимости его научного прогнозирования. Прогнозирование - один из существенно важных моментов всего процесса по проектированию, подготовке и принятию уголовно-правовых санкций. В юридической литературе совершенно справедливо отмечается, что «к числу одной из форм реализации прогностической функции советской юридической науки следует также отнести прогнозирование, которое осуществляется в процессе правотворчества» [9, с. 185].

Прогнозирование при построении уголовно-правовых санкций — это основанный на применении специальных научных методов и средств процесс получения прогностической информации об эффективности достижения целей уголовного наказания. Иначе говоря, целью такого прогнозирования является выявление потребностей в эффективных уголовно-правовых санкциях, научное предвидение ближайших и отдаленных последствий принимаемых уголовно-правовых санкций.

Прогнозирование при построении уголовно-правовых санкций представляет собой одну из форм научного познания. Эта форма научного познания в то же время достаточно специфична. В ней речь идет о познании таких социальных явлений и таких общественных отношений, которые не существуют в настоящее время, но которые могут или должны существовать в будущем.

В. С. Горбань отмечает, что «...один из центральных философско-правовых вопросов — это вопрос о способности научной теории, учения, концепции предвидеть, прогнозировать факты. Подобное свойство - способность правовой теории, концепции или учения предсказывать новые факты - является лучшим залогом того, что конкретный закон, воплощающий в себе незванное свойство, будет устойчивым, стабильным инструментом нормативно-упорядочивающего воздействия на общественные отношения» [3, с. 25].

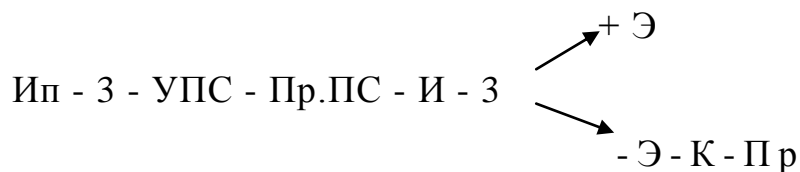
Прогнозирование при построении уголовно-правовых санкций требует развития прогностических исследований, формирование понятийного и категориального аппарата, различных вариантов и моделей подхода к будущему [9, с. 188].

Теория прогностики придает огромное методологическое значение точному определению субъекта прогноза. От того, насколько успешно решена эта творческая задача, зависит развитие и ход прогностического исследования его эффективности, научная ценность получаемых результатов [8, с. 38-85]. Объектом прогнозирования является эффективность уголовно-правовых санкций, т. е. степень и позитивная результативность воздействия данного варианта уголовно-правовой санкции на социальную среду в желаемом направлении.

Однако прогнозу могут подлежать и другие элементы уголовно-правовой нормы: диспозиция и гипотеза. Если по истечении определенного времени законодателем будет получена соответствующая информация о неэффективности действующей уголовно-правовой санкции, в нее должна быть внесена корректировка. Поэтому получается, что процесс получения

информации об уголовно-правовой санкции и ее корректировка - **постоянны**.

Схематично это выглядит следующим образом:

Ип - информация прогностическая;

3 - законодатель;

УПС - уголовно-правовая санкция;

Пр. ПС - практическое применение санкции;

И - информация о практическом применении санкции;

3 - законодатель;

+Э - уголовно-правовая санкция эффективна;

-Э - уголовно-правовая санкция неэффективна;

К - корректировка уголовно-правовой санкции;

Пр - скорректированная санкция снова на практике.

Итак, законодатель получает соответствующую прогностическую информацию при построении конкретной уголовно-правовой санкции, которая впоследствии принимается с учетом этой информации.

Далее санкция применяется на практике. Через определенное время (например, через 5 лет) законодатель получает соответствующую информацию об эффективности данной уголовно-правовой санкции. Если санкция оказывается эффективной, то на практике она продолжает применяться. Но если она неэффективна, то законодатель вынужден скорректировать ее. Через определенный период времени законодатель вновь получает информацию об эффективности данной санкции и при ее неэффективности вновь вынужден ее скорректировать, и т. д.

Из изложенного можно сделать следующие практические выводы, которые могут быть полезны законодателю в плане конструирования санкций в виде лишения свободы, при подготовке нового уголовного законодательства.

Первое. Законодателю необходимо ориентироваться при построении уголовно-правовой санкции на расширение границ лишения свободы с целью увеличения судебного усмотрения.

Второе. Представляется целесообразным предусмотреть общее смягчение мер наказания за счет снижения максимальных сроков лишения свободы за все неосторожные преступления, а также в отношении лиц, впервые совершивших умышленные преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Третье. С учетом практики деятельности учреждений по исполнению наказаний целесообразно увеличить сроки лишения свободы за особо тяжкие преступления и для особо опасных рецидивистов.

Четвертое. Настоятельно требуется решение вопроса о возможности и правомерности использования социального эксперимента как способа проверки эффективности различных размеров лишения свободы в отношении разных категорий преступлений. Представляется целесообразным помимо глубокого изучения эффективности уже действующего наказания в виде лишения свободы, сложившейся практики применения, следует больше внимания уделять ее предварительной экспериментальной проверке, чтобы свести до минимума возможные ошибки. Если можно говорить об определенном опыте экспериментов в сфере исполнения лишения свободы, то сфера законотворчества в области построения оптимальных размеров лишения свободы, незаслуженно осталась без столь важного исследовательского инструмента. На наш взгляд, такое положение, особенно в связи с подготовкой нового уголовного законодательства, нельзя признать нормальным. Прогнозирование в законотворчестве позволит решить другую проблему, с которой мы столкнулись: определение соразмерности преступления наказанию, предусмотренного в уголовном законодательстве.

На практике эффективность наказания обычно снижается из-за пороков конструирования уголовно-правовых санкций. Оттого, как построена санкция, какие наказания предусмотрены нормой закона, зависит устрашительно-предупредительная сила угрозы наказания, а также широта судебского усмотрения при выборе и определении вида и размера наказания. Правильная и справедливая санкция оказывает влияние не только на правоприменительную деятельность судебных органов и учреждений, исполняющих наказание, но способствует развитию правосознания населения в нужном для общества направлении. Иначе говоря, речь идет о соразмерности между преступлениями и предусмотренными за это наказаниями. Принципиальность и важность этого вопроса связана также с тем, что обычно считают, что простейший способ сделать людей более законопослушными - это увеличить наказание. Однако история наказания свидетельствует, что от наказания нельзя требовать больше того, чем, на что оно рассчитано. Не суровость, а продолжительность наказания производит наибольшее влияние на душу человека, потому что на чувства наши легче и устойчивее воздействуют более слабые, но повторяющиеся впечатления, чем сильные, но быстро проходящие. В этом смысле совершенно оправдана, с точки зрения общего предупреждения, и логична, с точки зрения гуманизма, замена смертной казни пожизненным лишением свободы. Для того, чтобы наказание сдерживало неустойчивых граждан от соблазна совершить преступление, т. е. обладало общепреентивным свойством, оно должно быть достаточно репрессивным, т. е. настолько чувствительным, чтобы отвлечь от намерения совершать преступление. В принципе, следует исходить из того, что ориентация на суровость, как на самоцель, неприемлема в современных условиях. Поэтому для того, чтобы наказание достигло общепредупредительной цели, оно, с одной стороны, не должно быть чрезмерно тяжким, с другой, — учитывая моральный уровень населения, - должно производить впечатляющее действие путем необходимой для этого репрессии. Без всякого сомнения, эффект уголовного наказания зависит не просто от риска быть разоблаченным и привлеченным к уголовной

ответственности, но также от суровости наказания, которая имеет большое значение тогда, когда дело касается преступлений, совершаемых обычно после того, как тщательно взвешены все «за» и «против», чем преступлений, совершаемых под влиянием эмоций и влечений, неосторожных преступлений и т. д.

Практика показывает, что, когда общество пытается снизить рост какого-либо преступления (например, хулиганства, разбоя, хищения), то это делается путем законодательного усиления наказания или судебной практики. При этом порой забывается, что жестокость наказания влечет за собой последствия, которые не только не помогают, а, напротив, противоречат общепредупредительной цели наказания. Обычно эффективность усиленного наказания может ощущаться в самом начале его практического применения, а потом она падает. В то же время, необходимо исходить из следующего положения. Если исторический опыт человечества показывает, что бороться с преступностью жесткими наказаниями бессмысленно, то это вовсе не означает, что следует бросаться в другую крайность: считать, что наказания должны быть, несомненно, мягкими. Это только значит, что наказание должно быть разумным и целесообразным.

Шан Ян отмечал: «Ежели сделать суровыми наказания, установить систему взаимной ответственности за преступления, то люди не решатся испытать на себе силу закона» [15, с. 301].

Понятие о мере и соразмерности, о соответствии, о равенстве между причиненным вредом и его возмещением, стало предметом обсуждения с момента установления обычая посредничества в понятие об искупе - вреда - обиды.

На сегодня мы не имеем определенных показателей, критериев, которые бы служили инструментом соизмерения уголовного наказания и преступления. Поэтому все и всегда предлагали общие принципы, из которых следует исходить при определении такой соразмерности. При этом философы часто увлекаются в область прекрасного, возвышенного, абстрактного, но не

практичного, а юристы обыкновенно не способны стать выше практического действующего права.

Так, например, Монтескье считал, что наказание должно стремиться к благу и безопасности общества, но оно же должно не переходить в жестокость, соответствовать преступлению и не превышать необходимого размера. Таким образом, автор не игнорирует ни интересов общества, ни интересов преступника.

А. Франк утверждал, что «наказание должно быть согласно не только с тяжестью преступления, но и с внутренним характером его, или характер преступления и характер наказания должны быть, по возможности, аналогичные» [14, с. 192].

Фейербах, наоборот, исходя из теории психологического принуждения, полагал, что наказание следовало бы соразмерять не с важностью учиненного деяния, а с большей или меньшей силой мотивов, ибо, чем сильнее мотив, тем сильнее должен быть и противовес ему.

К определению уравнения между понятиями обиды и оплаты за нее, т. е. если выразиться чисто юридическим языком, человеческий интеллект может прийти четырьмя путями: или а) путем математическим, причем сравниваемые понятия рассматриваются как отвлеченные величины, подлежащие точному цифровому измерению; или б) путем диалектическим; или в) путем экономическим; или г) путем использования категорий нравственности и морали. Понятно, что теоретически, может быть, эти формы соизмерения преступления и наказания приемлемы, однако практически их реализация и использование в законодательстве не представляются возможными. Поэтому не следует осуждать тех ученых, которые, считая «обеспечение соразмерности между преступлением и наказанием «бессознательной абстракцией», «схоластическими упражнениями», вообще отрицают возможность как соизмерения характера и степени общественной опасности неоднородных преступлений, так и сравнительную оценку преступления и наказания» [11, с. 100].

В то же время, представляется, что задача сегодняшнего дня состоит не в том, чтобы доказывать невозможность соизмерения преступления и наказания и ориентировать законодателя и судебную практику на принятие утилитарных решений, а в тщательной разработке ценностных и социологических критериев для перехода от преимущественно интуитивного к научному подходу при построении уголовно-правовых санкций, как юридически оформленных наказаний, и практики их применения. Полагаем, что в качестве критериев оценки соизмерения преступления и наказания, в первую очередь, должны быть определены принципы, т. е. общепологающие начала уравнения между этими понятиями. Исходя из этого, считаем, что критерием оценки соотношения равенства между ценностью охраняемого обществом объекта и степенью тяжести наказания должна выступать **справедливость**, которая призвана выполнять двоякую функцию при определении наказания. Во-первых, принцип справедливости будет выполнять роль ограничителя верхнего предела уголовно-правовой санкции. Во-вторых, он будет влиять на установление минимального предела наказания, его нижней границы. Это позволит нам, с одной стороны, не превышать меру строгости, достаточную для удержания людей от преступления, а с другой - иметь такое наказание, которое сможет оказать наиболее сильное впечатление на других и быть, в то же время, как можно менее чувствительным для того, кто их переносит. Надо исходить из того, что законным, справедливым может называть себя то общество, которое признает в качестве непоколебимого начала желание людей подвергать себя как можно меньшим страданиям, лишениям и ограничениям. Самое главное заключается в том, что принцип справедливости не позволяет обществу часто обращаться с людьми таким образом, чтобы это содействовало всеобщему благу за счет интересов отдельных индивидов. Иначе общество станет использовать человека, совершившего преступление, для уменьшения преступности, ибо он находится в распоряжении общества для достижения цели предупреждения.

Второй принцип, из которого следует исходить при соизмерении преступления и наказания заключается в тезисе Ч. Беккариа: «Суровость наказаний должна соответствовать состоянию самой нации» [1, с. 156].

В чем заключается суть этого принципа, комментирует сам автор: «На грубые души народа, едва вышедшего из состояния дикости, необходимо действовать более сильными и более чувствительными впечатлениями. По мере того, как душа людей, живущих в обществе, смягчается, возрастает их чувствительность, а с ростом последней, если желают сохранить отношение между предметом и ощущением, должна уменьшаться сила наказания» [1, с. 156].

Из этого следует, что каждое общество само определяет меру суровости наказания, исходя из уровня нравственного, культурного, правового и социально-экономического развития своей страны.

Надо исходить из того, что взгляд каждого народа на преступление и наказание не может быть одинаковым, ибо этот взгляд находится в тесной связи со степенью социально-политического, культурного, правового, религиозного его развития. Народ, достигший высокого развития, сознающий достоинство свободы и уважающий нравственную природу человека, по чувству чести и независимости стремится к справедливым действиям и сомневается в состоятельности жестоких, бессмысленных наказаний. Напротив, у народа, отставшего от всеобщего развития, подавленного и лишеного политической, экономической, религиозной свободы, ужесточение считается необходимым средством для предупреждения граждан от преступлений. Именно этот принцип должен быть положен в основу соответствия преступления и наказания.

И, наконец, последний принцип, который неразрывно связан с требованием об учете личности, при определении меры наказания — это принцип гуманизма. Гуманность следует понимать как определенное смягчение размера и характера наказания по сравнению с тем, которое требуется определить, исходя из принципа справедливости, т. е. это та ситуация, когда

мера наказания и характер преступления не соразмеримы из соображений целесообразности. Гуманизм как принцип законодательной деятельности при определении меры наказания означает, что идея человека как высшей ценности находится в центре внимания общества.

В связи с этой проблемой следует также подчеркнуть следующее обстоятельство, которое обязательно должно быть учтено: неизбежность разоблачения и наказания имеет большее значение для удержания людей от совершения преступлений, чем **суровость** наказания. Это означает, что, хотя наказание и выполняет свою функцию по предупреждению преступности, но это достигается отнюдь не жестокостью, а оптимальностью.

На формирование законов и на практику их применения особое влияние оказывает правосознание населения, ибо оно связано с моралью и нравственными воззрениями народа. Поэтому законодатель не может игнорировать это обстоятельство при определении наказания, хотя в этом непосредственно массовое правосознание не участвует.

Беляев Н. А. отмечал, что «правовая психология трудящихся должна учитываться не только при разрешении конкретных дел, но и при конструировании законодательства, т. е. в момент, когда решается вопрос о криминализации деяний» [2, с. 79].

Однако, к сожалению, в настоящее время разрабатываемые и принимаемые наказания не являются выражением массового правового сознания.

Фарбер И. Е. когда-то совершенно правильно заметил: «Всякое наказание вызывает в общественной психологии различные правовые чувства: стыд, страх, сострадание, одобрение, осуждение и пр. При конструировании законодательной нормы надо знать на возбуждение или массовое распространение каких именно правовых санкций следует, в первую очередь, ориентироваться. Эта сторона дела при осуществлении карательной политики находится в тени, и у нас мало задумываются над тем, какую психологическую реакцию вызывают данный вид и мера наказания в массовом правосознании. Поэтому теория наказания, исключая анализ психологического,

эмоционального отношения граждан к наказанию, лишает себя возможности научного обоснования конкретных мер наказания» [13, с. 94].

Для воспитания массового понимания и уяснения необходимости принятия того или иного наказания необходимо подчас длительное время и было бы неправильным, несмотря на объективную потребность в наказании, ждать, пока массы осознают эту потребность.

Однако следует иметь в виду, что правосознание в своей социально-психологической части развивается в значительной мере стихийно и может подчас содержать неправильные, противоречащие подлинным интересам и потребностям общественного развития взгляды, настроения, оценки, чувства и т. д. Поэтому связь между правосознанием и определением уголовного наказания далеко не так проста, чтобы развитие правосознания масс могло быть непосредственно включено в процесс правотворчества.

Результаты социологических исследований показывают, что самое ошибочное в правосознании на любом уровне - это вера и абсолютное всемогущество уголовного наказания. Так, по данным исследования, проведенного институтом государства и прав АН УССР, из общего количества опрошенных 38,7 % полагают, что наиболее эффективным средством борьбы с правонарушениями является усиление наказания [6, с. 132].

По данным ВНИИ МВД СССР, примерно, каждый четвертый из опрошенных граждан связывает успехи борьбы с преступностью с усилением уголовной репрессии [4, с. 79].

Аналогичные результаты получены исследованиями, проведенными ВНИИ Прокуратуры СССР [10, с. 20].

По данным исследования, проведенного В. М. Коганом, примерно, каждый пятый мужчина и каждая четвертая женщина считают, что совершение преступлений более всего зависит от недостаточной суровости наказания [5, с. 48].

Все эти исследования, как усматривается, были проведены и период Советской власти, когда еще сам режим не позволял особо «разгуляться»

преступности. Поэтому мы решили провести аналогичные исследования в современном Азербайджане. Из 1200 опрошенных граждан, примерно, 60 % глубоко убеждены в том, что нынешние законы, т. е. уголовные наказания слишком гуманны, в результате чего преступность получила широкое распространение и стала более жестокой. Почти такое же количество опрошенных выступили против отмены смертной казни.

Итак, следует признать, что есть достаточные основания, которые свидетельствуют о весьма высоком уровне карательных притязаний населения. В основе такого представления, на наш взгляд, лежат, с одной стороны, уважение к праву и нетерпимость к правонарушениям, с другой - недостаточная осведомленность о возможностях уголовного наказания в борьбе с преступностью. Надо учитывать также и то, что представление о суровости наказания связано и с моральным сознанием, психологией и уровнем развития нашего народа.

Библиография

1. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
2. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986.
3. Горбань В. С. Понятие, теория, проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009.
4. Карпец И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.
5. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983.
6. Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979.
7. Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981.
8. Лисичкин В.А. Теория и практика прогнозирования. М., 1972.
9. Научные основы советского правотворчества. М., 1981.

10. Общественное мнение о преступности и мерах борьбы с ней. М., 1977.
11. Ременсон А.Л. Индивидуализация наказания и уголовный закон. Ученые записки Томского государственного ун-та, 1957, №33, с. 98-104.
12. Трапезников В.А. Литературная газета, 1970, 3 мая.
13. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.
14. Франк А.Д. Философия уголовного права. В сб.: Философия уголовного права. М., 2004.
15. Энциклопедия афоризмов. Мысль о слове. М., 2003.